

УДК 821.512.31

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-3-41-44

«ЭВЕНКИЙСКИЙ ТЕКСТ» В БУРЯТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ДИАЛОГ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

© *Булгутова Ирина Владимировна*

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: irabulgutova@mail.ru

Актуальность статьи обусловлена постановкой проблемы диалога культур в полиэтническом пространстве. Новым являются обобщение и поиск художественных закономерностей в литературе Бурятии советского периода и на этапе современности. В творчестве бурятских писателей М. Жигжитова и В. Гармаева выявляется обращение к судьбе эвенкийского народа. Устанавливается центральная роль в системе персонажей повестей М. Жигжитова «Моя Малютка-Марикан», «Тропа Самагира» образа охотника-эвенка как хранителя древних традиций своего народа. Выявляется постановка национальной проблематики в романе В. Гармаева «Копачи». Изображая жизнь эвенкийского народа в низовьях родовой реки, писатель обращается к трагическому характеру конфликта цивилизации и природы. Традиционное для сибирских народов культовое отношение к природе, мифологические воззрения бурят и эвенков устанавливаются в романе как основа диалога культур.

Ключевые слова: сибирский текст; диалог культур; национальная проблематика; драматизм; мифосознание; трагический модус художественности.

Обращаясь к теме межнациональных отношений в произведениях сибирских авторов, следует отметить специфику сибирского текста, когда осознается общность между разными народами, проживающими в сходных природно-климатических и хозяйственно-бытовых условиях. В бурятской литературе можно выделить пласт произведений, раскрывающих инациональный опыт, и это прежде всего «эвенкийский текст». Теме сохранения традиционной жизни эвенков в новейшее время посвящены повести «Моя Малютка-Марикан», «Тропа Самагира», «За ущельем Семи Волков» и роман «Подлеморье» М. Жигжитова, а также вторая часть трилогии В. Гармаева «Копачи» — роман «В низовьях родовой реки». Такой интерес к культуре, быту и обычаям эвенков в бурятской литературе не случаен. Он связан с постановкой экологической проблематики, с осознанием конфликта природы и цивилизации, который не теряет своей актуальности.

М. Жигжитов, по словам русского писателя В. Тендрякова, «Дерсу Узала, взявшийся за перо» [4, с. 6], начинает свой писательский путь с освоения темы охоты и образов людей, тесными узами связанных с природным миром. Его творчество «богато уже тем, что питается из нескольких национальных источников. Писатель прекрасно знает жизнь бурят, русских, эвенков» [4, с. 7].

В центре же его первых повестей — образ охотника эвенка Остяка Самагира, который вынужден покинуть исконные места проживания из-за создания заповедника: «Подлеморье-то наша земля... Великого Самагирского рода... Мои-то предки жили и промышляли по подлеморским рекам. Там и сейчас могилы ихние, в темных кедровниках прячутся от любопытных глаз русских людей. А почему

Остяку нельзя промышлять зверя тут, рядом, у могил его предков?.. Видал, заповедник какой-то придумали. Черного соболя бить запрещают» [2, с. 5]. Автор не случайно использует форму субъективированного повествования, она ему нужна для раскрытия самосознания героя.

На наш взгляд, в повестях М. Жигжитова, а именно в повести «Тропа Самагира», с особой остротой ставится национальная проблематика, вопрос о выживании и сохранении исконного образа жизни одного из коренных народов Сибири. С точки же зрения социологического подхода советского литературоведения, такая концепция не отвечала существовавшим в то время идеологическим установкам: в «Истории бурятской литературы» говорится о том, что «автор поставил перед собой задачу немалой сложности: показать, как в дремучее сознание эвенка проникает мысль о необходимости мучительного для него шага — оставить Малютку-Марикан» [3, с. 123]. Говоря о «темном, опутанном шаманскими представлениями сознании эвенка Остяка» [3, с. 123], исследователи все же, хоть и с негативной оценочностью, отмечают обращение автора к мировоззренческим аспектам.

М. Жигжитов с уважением воспроизводит те реалии традиционной жизни эвенков, которые имеют ценностное значение: «...он хамниган — лесной человек, и вся окружающая его природа для него живая и умная. Вот почему и вечный разговор у него с деревьями, с рекой, с огнем, со зверями и птицами. Без этого он бы разучился говорить, мыслить, одичал от длительного пребывания среди этой громады леса, где одинокий человек всегда лишь песчинка, ничуть не больше. Для Оськи они все живые существа, равные с ним по достоинству, вот он и бережет природу: никогда не пустит пожара, никогда не срубит без нужды дерева, никогда без надобности, ради развлечения или жадности, не убьет зверя» [2, с. 93]. Отношение к предкам и безмолвный разговор с ними героя-эвенка в изображении бурятского писателя закономерны и логичны.

Можно говорить о том, что на протяжении длительного периода истории сибирских народов складывается специфический культурный диалог, базирующийся на культовом отношении к миру природы и предкам у самых разных народов. В повести «Тропа Самагира» автор показывает драматизм складывающейся в жизни эвенков ситуации, отразившийся в мысленном разговоре героя с родной природой: «Откуда-то издалека вроде бы слышит Остяк приглушенный голос:

— Иди, сынок, в чужую тайгу. Поставь там чум, чтобы он не был пустым, возьми себе бабу, она продлит твой род — род великого Самагира. Правда, ты там не увидишь соболей черных, не услышишь нежного говора Малютки-Марикан.

— Нет. Не пойду в чужую тайгу!

— Как хочешь, сынок, иди к буряту пасти баранов.

— Лучше умру.

— Тогда иди к русскому. Будешь железом ковырять землю.

— Пусть пуля пронзит мою голову... Нет мне жизни без Малютки-Марикан.

Уйду к предкам, там никто не отберет мою тайгу» [2, с. 57].

М. Жигжитов как писатель советской эпохи не придает трагического звучания изображаемым им событиям и теме выживания и сохранения традиционного образа жизни, но сам интерес к судьбе коренных сибирских народов обусловил в числе прочего и постановку драматичной национальной проблематики.

В замысел романа В. Гармаева «Копачи» входило создание большой трилогии об истории Сибири и судьбе сибирских народов в переломный период прихода большого капитала и бурного развития золотодобывающей отрасли, с целью раскрытия разрушительного влияния цивилизации как на мир природы, так и на традиционный образ жизни коренных народов. В таком контексте закономерным было обращение писателя во второй части «В низовьях родовой реки» (2015) к изображению жизни эвенкийского народа. Роман стал последним завершённым произведением бурятского писателя. Он сумел показать традиционный образ жизни эвенков как с внешней стороны, так и изнутри, поставив при этом проблему выживания этноса.

Кульминационным моментом романа становится сцена массовой гибели одного из эвенкийских родов от эпидемии черной оспы, подобно тому, как «младенческий народ» [1, с. 13] оказывается бессильным противостоять пришедшей извне болезни, так и природа не может устоять перед хищническим наступлением золотодобывающей отрасли. Тема постепенной гибели эвенкийского народа в связи с утратой возможности вести традиционный образ жизни получает у писателя трагическое звучание, которое появляется на контрасте гармонии изображаемой им родовой жизни и картин разрушения и гибели.

Тема утраты традиционных территорий промысла у малочисленных народов и связанного с этим забвения национальных истоков звучит во многих произведениях писателей Сибири и Севера С. Курилова, Ю. Рытхэу, В. Санги. Центральной темой творчества В. Гармаева на всем его протяжении была историческая судьба бурятского народа, обращение же к теме судьбы эвенкийского народа позволило писателю выйти на уровень универсальных обобщений, чему способствовало художественное воссоздание мифосознания эвенков. В этой реконструкции и создании «авторского мифа», безусловно, сыграло свою роль прекрасное знание и понимание писателем своей национальной мифологии, роли обрядов и обычаев в сохранении мировоззрения, одухотворяющего весь окружающий мир.

Регулятивная функция мифосознания раскрывается автором в сценах охоты, различных обрядах жизненного цикла, в бытовой и повседневной жизни эвенков. Родовая жизнь эвенков в начале романа — это идиллический мир, гармонию которого лишь на время нарушает случайный спор между двумя сильными родами. Источником разрушения этой идиллии патриархально-родовой жизни мыслится приход других народов на исконные земли эвенков в поисках золота и пушной добычи. Меняющееся время отражается в наличии двух самоназваний эвенков, где «тунгус» — презрительное название оторвавшихся от родовой жизни и ушедших прислуживать на прииски, а ороchon — почетное название: «Эвенки наших краев делятся на ороchонов, то есть тех, кто занимается разведением оленей круглый год, то есть оба года — и летний, и зимний, как они его делят, пасут этих животных по кормовым местам тайги и имеют от них все необходимое. Их и ороchонами прозвали из-за оленей, так как этих ихних оленей все здесь называют «орон» [4, с. 5].

Писатель показывает нравственную чистоту и цельность характера, честность «детей природы», что созвучно просветительской концепции «естественного человека». Архетипична история возвращения в ороchonский род «блудного сына» Малгаола, жившего на приисках и испытавшего пагубное влияние извне; пройдя обряд и дав клятву на крови, Малгаол обретает новую жизнь в кругу сво-

его рода и семьи. В различных ситуациях раскрывается простота и естественность нравов эвенков, их искренность, способность гармонично жить в едином ритме с природным миром. Трагический модус художественности возникает при осознании несовместимости родового сознания, нравственности «детей природы» с наступлением цивилизации, когда происходит вытеснение эвенков с исконных земель. Обратной стороной глобализационных процессов оказывается утрата идентичности, что не может не вызывать тревогу бурятских писателей, обратившихся к осознанию судьбы эвенкийского народа. В основе диалога культур сходство условий проживания, общность мифологических систем, в то же время некоторая дистанция становится необходимой авторам для постановки национальной проблемы, осознания ее важности в современную эпоху. Способность же к диалогу становится важным условием дальнейшего развития культуры народа и его литературы.

Литература

1. Гармаев В. Копачи. В низовьях родовой реки // Байкал. — 2015. — № 1. — С. 3–39.
2. Жигжитов М. И. Повести. — М.: Сов. Россия, 1986. — 320 с.
3. История бурятской литературы. Современная бурятская литература (1956–1995). — Т. 3. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. — 298 с.
4. Тендряков В. Предисловие // Жигжитов М. Подлеморье. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. — С. 5–8.

“EVENK TEXT” IN BURYAT LITERATURE: DIALOGUE AND INTERACTION OF CULTURES

Irina V. Bulgutova

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,

Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article's relevance is due to formulation of the problem of the dialogue of cultures in a multi-ethnic space. The author generalizes and searches for artistic patterns in the literature of Buryatia of the Soviet period and at the stage of modernity. In the works of the Buryat writers M. Zhigzhitov and V. Garmayev, an appeal to the fate of the Evenk people is revealed. The article shows the central role of the image of an Evenk hunter as a keeper of ancient traditions in the character system of M. Zhigzhitov's novels “My Little Marikan” and “The Path of Samagir”. The formulation of a national perspective in the novel “Копачи” by V. Garmaev is revealed. Depicting the life of the Evenk people in the lower reaches of the tribal river, the writer addresses the tragic nature of the conflict between civilization and nature. The cult attitude to nature, traditional for Siberian peoples, the mythological views of Buryats and Evenks are established in the novel as the basis of the dialogue of cultures.

Keywords: Siberian text; dialogue of cultures; national issues; drama; myth consciousness; tragic mode of artistry.